

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЖИНКИН

ВЕДУЩИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОБЩЕНИЯ,
ТЕКСТА, МЕХАНИЗМОВ РЕЧИ
(1893—1979)

Москва, 1973 год. Это год восьмидесятилетия Н.И. Жинкина. Высокий, стройный, элегантный, он без видимого усилия, с удовольствием идет с нами по городу после долгого заседания кафедры психологии МПНИИЯ, на котором выступал с докладом. Николаю Ивановичу знакома каждая улица, площадь старой Москвы, и называет он их так, как они назывались прежде: Пречистенка, Мясницкая, Пятницкая, Тверская, Остоженка. Это звучит для нас несколько старомодно, непонятно, и Николай Иванович, как бы извиняясь, уточняет: «Бывшая Остоженка, я имею в виду Метростроевскую улицу».

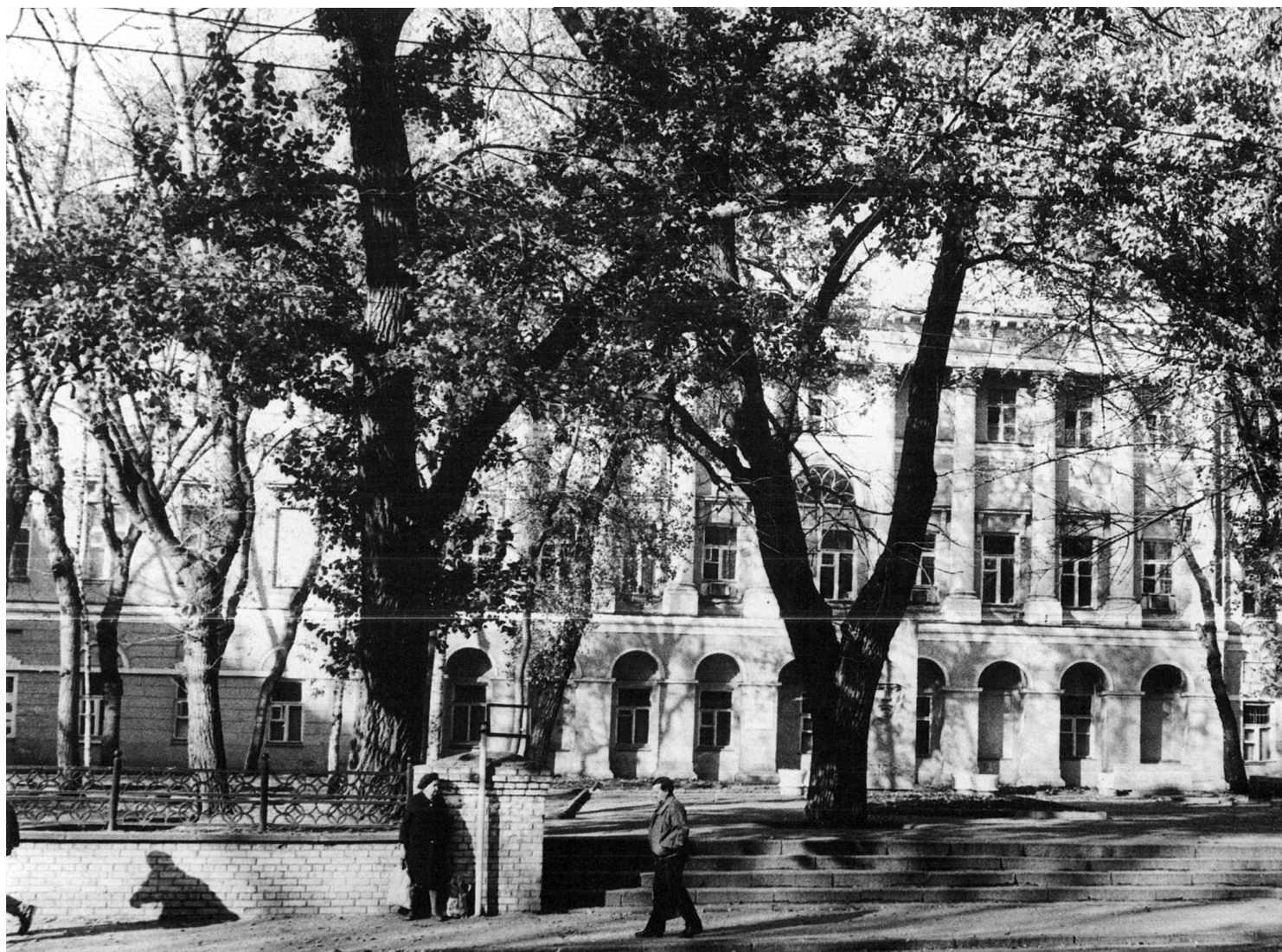
Всех, кто знал Николая Ивановича, прежде всего привлекала в нем его глубоко интеллигентная, деликатная манера общения — внимание и уважение к собеседнику (студенту, аспиранту, коллеге). Особенно запомнился его взгляд — всепонимающий, чуть-чуть ироничный, бесконечно добрый, притягивающий внимание собеседника. Взгляд Николая Ивановича отражал его постоянное стремление узнать что-то новое, открыть для себя причину того или иного явления. Получая результат очередного научного исследования, он чаще всего произносил: «Я догадался!» Удивительный загадочный мир и прежде всего мир говорящего человека, где многое еще непознано, как замечал Николай Иванович, «лежит на поверхности, только надо заниматься», открывал перед ним свои тайны и закономерности,

как бы в награду за его постоянное желание проникнуть в них.

Вся жизнь Н.И. Жинкина была связана с Москвой: студент Московского университета, действительный член Академии художественных наук (ГАХН), преподаватель логики и психологии педагогического училища, редактор Московской киностудии научного фильма и позже Главного управления по производству научных фильмов Министерства кинематографии СССР, преподаватель ВГИКа и на протяжении многих лет старший научный сотрудник психологического института АПН РСФСР (НИОПП), профессор МГУ. Именно Московский университет первым оценил яркое дарование Н.И. Жинкина — студента историко-филологического факультета, — наградив его в 1915 г. золотой медалью за конкурсную работу «О методах психологического исследования». Возможно, это было предначертанием уже никогда не разрывавшейся связи Москвы и ее неизменного почитателя, гражданина Н.И. Жинкина — Ученого, Экспериментатора, Мыслителя. Значимо то, что, поступив юношей в Московский университет, Н.И. Жинкин в зрелые годы своей жизни опять вошел в этот храм науки, но уже в качестве профессора кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета.

Московский университет явился живительной средой развития многогранного таланта студента Жинкина прежде всего в силу того, что именно в

Московский государственный педагогический
институт иностранных языков (МГПИИЯ).
Улица Остоженка

эти годы после защиты докторской диссертации там начал читать лекции Г.И. Челпанов, одновременно создавая первый в России психологический институт. Очевидно, что выбор Н.И. Жинкиным конкурсной студенческой работы о методах психологического исследования не был случайным. Сказалось влияние Г.И. Челпанова, его взглядов на теоретическую и экспериментальную психологию. Для Н.И. Жинкина интерес и вкус к эксперименталистике сохранился на всю жизнь.

Так, в 50–60-е гг. он разрабатывает комплексную методику изучения процесса речепроизводства, включающую рентгенокимографию, рентгеносхемы, спектральный анализ. В рентгенографических исследованиях, проводимых в 1957–1958 гг. с участием профессора В.Г. Гинзбурга, Н.И. Жинкин выступал и в качестве испытуемого. При всех мерах предосторожности в условиях жесткого рентгеноизлучения и многократности проб и повторов это исследование требовало от человека

беззаветного служения науке. Н.И. Жинкин служил ей без колебания, хотя знал о тех последствиях, которые могли быть (и, к сожалению, произошли). Научный подвиг Н.И. Жинкина в деле установления механизмов речеобразования, конечно,

не сравним с подвигом Пастера, но, безусловно, сопоставим с ним. В результате этих исследований были установлены уникальные и до сих пор во всей полноте не оцененные научные эмпирические факты. Они позволили Н.И. Жинкину сформулировать основные положения голосообразования, разработать концепцию глоточного образования слога, раскрыть парадокс речевого дыхания и разногромкости гласных, определить характер управления сегментным и суперсегментным (просодическим) рядом, объяснить механизм заикания и многие другие явления.

После встречи в Париже в 1962 г.¹ с известным исследователем певческого голоса Раулем Хюссоном Николай Иванович совместно с Ю.М. Отряшенковым и Л.А. Хромовым разработал аппаратный комплекс регистрации микроколебаний голосовых связок, движения гортани, что позволило ему обосновать целостную концепцию звукопроизводства по системному (нейродинамическому) типу. Проведенное в 1960 г. исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех также свидетельствует об изобретательности и высоком профессионализме Н.И. Жинкина-экспериментатора.

Университетские годы сформировали его устойчивый научный интерес к Слову, Мысли, Творчеству. Начиная с 1914 г. Н.И. Жинкин входит в состав организованного его однокашником Р.О. Якобсоном (впоследствии крупнейшим лингвистом современности) и затем руководимого известным философом, исследователем проблем герменевтики Г.Г. Шпетом (впоследствии вице-президентом РАХН и ГАХН) Московского лингвистического кружка². Общение в этом кружке с Б. Пастернаком, О. Мандельштамом, В. Маяковским оказало мощное влияние на поэтическую, эстетическую грань таланта Н.И. Жинкина. Он знал, чувствовал и

¹ Н.И. Жинкин участвовал в совещании экспертов ЮНЕСКО по программированному обучению.

² В декабре 1920 г. по инициативе Г.Г. Шпета в МГУ был создан Кабинет этнической и социальной психологии. Н.И. Жинкин был избран его секретарем (по материалам А.А. Митюшина).

Б. Пастернак

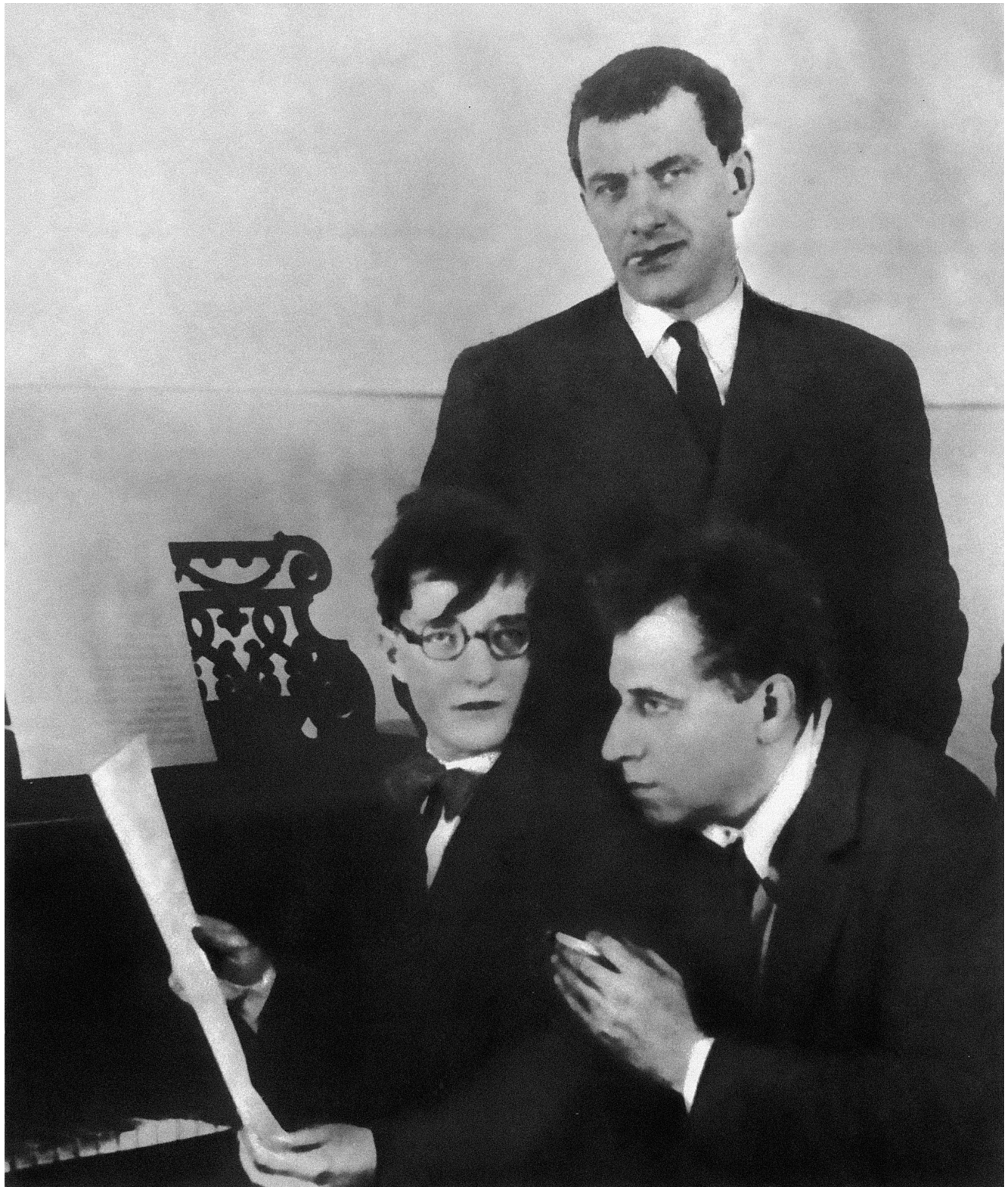

любил русскую поэзию. Стихи К. Бальмонта, В. Хлебникова, Б. Пастернака, О. Мандельштама часто звучали в речи Н.И. Жинкина. Он мог их читать наизусть долго и много. К сожалению, повседневность и обыденность нашей жизни лишили нас, за очень небольшим исключением, этой редкой возможности, как теперь это становится все более очевидным, слушать не только эту поэзию, но и самого Человека, который был своим для ее создателей.

Н.И. Жинкин писал сам стихи — легко, непринужденно, как мимолетные экспромты, соревнуясь, например, в изяществе и точности мысли с одним из своих давних и близких приятелей — А.А. Реформатским, известным

лингвистом, теоретиком языкознания, или с В.А. Артемовым — коллегой по разработке проблем речи и товарищем по многочисленным походам, пикникам, встречам.

Являясь действительным членом секции философии ГАХН, Н.И. Жинкин в 1921—1929 гг. активно работал в комиссии по проблеме художественной формы. Именно эта проблема сфокусировала в себе два основных направления его дальнейшего научного исследования. Они суть «Образ в кино» и «Слово в речи». В 1925 г. в юбилейном, посвященном 25-летию творческой деятельности Г.Г. Шпета, сборнике «Квартет» была опубликована большая работа (более 3 автор-

Здание Театра-студии киноактера.
Поварская, 38. Здесь помещался Дом кино

ских листов) Н.И. Жинкина с значащим названием «Вещь». В ней излагалась философская проблема соотношения означаемого и означающего, внутренней и внешней формы языка, знака. Эта работа может рассматриваться как начало научного наступления Н.И. Жинкина на проблему смысла, которая была поставлена им в 1955 г. в статье «Вопрос и вопросительное предложение», а затем развернуто эксплицирована в 1970 г. в работе «Грамматика и смысл». Но это было потом, а в ранние 30-гг. Н.И. Жинкин был известен как исследователь и теоретик кино. В ГАХНе он несколько раз выступал с докладами на секции кинофотоискусства. Его работа по восприятию кино, по созданию научно-популярных фильмов и их сценариев отмечена в истории отечественной кинематографии. Н.И. Жинкин был членом Союза кинематографистов СССР, создателем нескольких научно-популярных фильмов. Его работа во ВГИКе, многолетнее дружеское сотрудничество с проф. Б.А. Альтшулером — одним из столпов отечественного учебного кино — придали созданным Н.И. Жинкиным сценариям огромную дидактическую ценность. Сценарии фильмов «Звериной тропой» (совместно с Д. Даниным); «У порога сознания» (совместно с Д. Даниным, Е. Мандельштамом); «В глубину живого» (совместно с Е. Мандельштамом) были приняты и высоко оценены российской общественностью. Так, фильм «В глубину живого» (1966) был отмечен Ломоносовской премией I степени, а Н.И. Жинкин удостоен звания Лауреата государственной премии РСФСР. Канский фестиваль научно-популярных фильмов также отметил сценарий этого фильма.

На киностудии Н.И. Жинкин встретился со своей будущей супругой Л.А. Лихачевой, работавшей там же. Многие годы семейной жизни именно кино было волнующей их обоим темой обсуждений, споров. Свободные вечера они часто с удовольствием проводили в Доме киноактера, куда ходили с настроением

праздника и радостных встреч. И, отдыхая в последние годы в Доме творчества в Болшеве, они чувствовали себя свободно и легко в мире творчества и искусства, находясь среди давно знакомых людей кино, театра, литературы. Но это была внешняя сторона жизни Н.И. Жинкина. Внутренняя, напряженная, постоянная работа мысли, все время рефлексующая, требовала другого выхода, выражения. Н.И. Жинкин в любых условиях ежедневно работал над какой-либо рукописью, писал мелким разборчивым почерком, исправлял, перечеркивал и снова писал. Это был раб и труженик мысли, генератор идей, творец языковой формы их выражения. Проблема языка, его роли в становлении и функционировании интеллекта человека, во взаимодействии людей была центром научного творчества Н.И. Жинкина, какой бы проблемой он ни занимался. Показательна в этом плане его деятельность в Совете по кибернетике.

В 1960—1961 гг. в Москве под председательством академика АН СССР, адмирала А.И. Берга был создан научный Совет по комплексным проблемам кибернетики. Это стало знаменательным событием для всей научной общественности, многие ведущие ученые страны вошли в состав совета. Н.И. Жинкин возглавил секцию психологической кибернетики, в ходе работы которой активно обсуждались глобальные проблемы искусственного интеллекта, знаковых систем, управления. Выступая на юбилейной сессии этого совета в 1967 г. с докладом «Мозг человека как семантическая машина», Н.И. Жинкин выдвинул и обосновал концепцию трехуровневого программного управления, включающего наследственную, условнорефлекторную программу и программу языковой коммуникации с определением механизма связи языка и интеллекта. Спустя несколько лет Николай Иванович, руководя в секции по искусственному интел-

лекту комиссией «Расплывчатые категории в управлении, психолингвистике, нейрофизиологии», разрабатывает категорию «расплывчатости», например: «близко — далеко». Это позволило ему вместе с Д.И. Шапиро не только создать определенный алгоритм поведения, но и провести его эмпирическую верификацию.

Исследования языковой коммуникации заставляли Николая Ивановича все время возвращаться к проблеме звучащей речи. Он несколько лет рассматривал ее в сравнении с певческим голосом. Эти исследования проводились Н.И. Жинкиным в акустической лаборатории консерватории (членом Ученого совета которой он стал после смерти Б.М. Теплова) с помощью анализа спектральной записи голосов великих певцов прошлого и современности. Долгие часы вместе с С.М. Терменом, Л.Б. Дмитриевым они в лаборатории или дома обсуждали, например,

Большая Никитская, 16

феномен удивительной «полетности» или «носкости» голоса Ф.И. Шаляпина.

А жил Николай Иванович рядом с консерваторией, на улице Неждановой (теперь Брюсов пер.). Коммунальная квартира, в которой Николай Иванович с Людмилой Александровной занимали две крошечные комнаты (одна из которых проходная), находилась в красивом старом московском доме. Его местоположение, фасад, подъезд, высоченные потолки — все было бы хорошо, если бы не отсутствие жизненного пространства. Оно тем более уменьшалось из-за немислимого количества находящихся в квартире книг. Многие неудачные попытки вступить в ЖСК, мысли и возможности переселения в Дом ветеранов работников кино с получением отдельной двухкомнатной квартиры угнетали Н.И. Жинкина, пока наконец они не решились переехать в новую кооперативную квартиру на Нижней Масловке. Большая удобная квартира, но, как говорил Николай Иванович, это уже другая Москва. Это была не его университетская привычная часть города, где все исхожено миллионы раз. Николай Иванович с грустью вспоминал, как они студентами, «академиками», затем молодыми сотрудниками часами бродили по ночной Москве, декламируя, споря, заходя друг к другу в гости.

Самым главным и основным местом работы Николая Ивановича на протяжении многих десятилетий был психологический институт (НИОПП АПН РСФСР). Здесь работал его единомышленник, друг с университетской поры — А.А. Смирнов. Это придавало особый оттенок теплоты и духовности «службе» Николая Ивановича в институте. Он любил институт, гордился его успехами. В лаборатории мышления и речи сначала с Ф.Ю. Шемякиным, а затем с А.Н. Соколовым обсуждались и вынашивались планы его исследования звучащей речи, текста, речевой коммуникации. Здесь были подготовлены и написаны основные труды Николая Ивановича. Среди них важнейшие для данной проблематики

работы — «Вопрос и вопросительное предложение» (1955), «Развитие письменной речи у учащихся III—VII классов» (1956), «Парадокс речевого дыхания» (1957), «Механизмы речи» (1958), «Произнесение слов. Концепция глоточного образования слога» (1959), «Исследование внутренней речи по методике централь-

ных речевых помех» (1960), «Звуковая коммуникативная система обезьяны» (1960), «Four Communicative Systems and Four Languages» (1962), «Внутренние коды языка и внешние коды речи» (1967), «О некоторых вопросах работы мозга человека как семантического устройства» (1968), «Грамматика и смысл»

(1970), «Semiotic Aspects of Communication in Animal and Man» (1979), «Интеллект, язык и речь» (1972), «Сенсорная абстракция» (1979) и посмертно «Речь как проводник информации» (1982).

Основные труды Н.И. Жинкина широко известны не только в нашей стране, но и за

рубежом. Они переводились на английский, немецкий, французский языки и публиковались в таких изданиях, как «Word», «Semiotika», «Linguistica» и др. Имя Н.И. Жинкина упоминается исследователями языка, речи, речепроизводства, например, Р.Р. Якобсоном наряду с именами Л.С. Выготского, А.Р. Лурия как имена людей, внесших большой вклад в отечественную и мировую науку.

Показательно, что для Н.И. Жинкина — Человека с большой буквы — в центре научных интересов всегда находился сам человек. Загадка говорящего человека приковывала и воодушевляла мысль этого ученого, направляя все его исследования в одно русло — механизмы человеческой речи во всем их многообразии.

Неоднократно во многих своих выступлениях Н.И. Жинкин призывал психологов изучать не только *homo sapiens*, но, что очень важно, *homo allalus*. Основной научный труд Н.И. Жинкина «Механизмы речи» (40 авторских листов) и был направлен на заполнение этого вакуума. В этой книге, удостоенной I премии им. К.Д. Ушинского АПН РСФСР, Н.И. Жинкин впервые в мировой науке выдвигает понятие речедвигательного анализатора как многоуровневого механизма речи в противовес бытующему понятию «органы речи». При изучении этой проблемы, как подчеркивал Н.И. Жинкин, во-первых, надо учесть весь состав речедвигательного анализатора — как его начальную, периферическую часть, так и центральные уровни и приспособления для регулировки речедвижений. Во-вторых, нельзя упустить из виду, что выдача речи невозможна, если нет приема, так как правила управления могут быть накоплены лишь через прием и контроль выдачи. Это значит, что речедвигательный анализатор должен изучаться как слухо-речедвигательный. И наконец, если не приурочить аналитико-синтетическую системность к определенному нервному субстрату, то она

«повиснет в воздухе». Совершенно очевидна методологическая значимость такой постановки проблемы, предполагающей замену периферической концепции «органов речи» центральной теорией речедвигательного анализатора.

Большой научной заслугой Н.И. Жинкина явилось то, что каждое его исследование было комплексным, включающим в себя фонетический, физиологический, акустический и собственно психологический аспекты изучаемого явления. «Надо преодолеть разобщенность наук, часто мешающую правильно видеть простые явления, сопоставить то, что разобщено в разных дисциплинах», — призывал Н.И. Жинкин.

И он сам неустанно сопоставлял данные, полученные им в норме и патологии, в знаковой системе человека и обезьян. Так, в конце 60-х гг. Николай Иванович занялся проблемой звуковой коммуникативной системы у обезьян. Свой эксперимент он проводил в Сухумском обезьяньем питомнике Академии медицинских наук. Спрятавшись за большой камень в свободном вольере, Николай Иванович издавал похожие на «обезьяний язык» звуки. Настороженное молчание обитателей вольера вскоре начинало прерываться ответными криками или же животные убегали. Эти реакции означали, что издаваемый человеком звук понят, т. е. коммуникация установлена. Это было открытие (продолжавшее исследование Н.И. Тих) Н.И. Жинкиным звуковой системы обезьян — ее состава и содержательной характеристики.

Актерские данные Николая Ивановича — этого доброго человека с грустными глазами — высоко оценивались его сотрудниками, друзьями. Так, на многих вечерах в доме на Погодинке у В.А. Артемова Николай Иванович мог с поражающей воображение точностью воспроизводить звук пойманной жужжащей мухи. После настойчивых просьб воспроизвести язык обезьян он произносил либо нежный призывный звук (*hon*), либо жалоб-

ный звук, похожий на английский дифтонг (au), означающий тревогу, но им никогда не воспроизводились звуки агрессии, угрозы. Это был выбор Н.И. Жинкина — человека, видящего только лучшее в других, огорчавшегося, если замечал злое, несправедливое. «Быть бесконечно снисходительным к людям и бесконечно требовательным к себе» — вот его девиз. Сам Николай Иванович в общении со всеми людьми во всех ситуациях следовал этому правилу.

Тема исхода жизни, неизбежности ее завершения все чаще звучала у Николая Ивановича в последние годы его жизни. Видя обилие новых книг на столе, на полках, книг, которые он уже не успеет прочитать, Нико-

лай Иванович не скрывал своего огорчения. В то же время на любое наше предложение помочь разложить книги он всегда говорил: «Ну как же, голубушки, я смогу найти нужную мне книгу, если я не сам ее положу? У меня и так всё в порядке, который я сам знаю». Порядок в множестве, в нагромождении — это смысл в кажущемся бессмысленном. Не это ли основной тезис вообще всякого бытия — тезис, который часто повторял Николай Иванович Жинкин.

В 1911 г. Москва приняла Н.И. Жинкина, и в 1979 г. она его схоронила от всех у себя на Митинском кладбище³.

И.А. Зимняя

³ От всех почитателей Н.И. Жинкина слова искренней благодарности Л.Л. Гуровой, Т.Д. Марцинковской, Г.Д. Чистяковой, Т.Н. Ушаковой, М.А. Смирнову, Г.Г. Граник, Д.И. Шапиро — людям, предоставившим материал публикаций, воспоминаний об этом удивительном Человеке и ярком Учене.